

ТРЕТИЙ ОЧЕРКЪ.

1831.

По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ ки-
И вспоминанья передъ нимъ толпой [далъ,
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ и, наконецъ,
Проклятыямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно молодомъ,

Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ про-
И онъ уже не тотъ. Его чело [шло!
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.

Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ—тебѣ укоръ.
—Будь гордъ, старайся мстити, живи губя.—
Но что жъ! и зло не радуешь тебя?

И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. «У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенести
Одной палящей капли адскихъ мукъ.
И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
Который значить все)—имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРКЪ.

1833.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Какъ днѣ боялся мракъ могилы,
И много, много... и всего.
Представить не имѣлъ онъ силы.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра—и на вѣчность
Онъ приглядѣлся—но была
Мучительна его безпечность.

Такъ мыслить демонъ. Медленнокрыломъ,
Спускаясь на землю, разсѣвалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
Весенній день, краснѣя, догоралъ;
Растенія и волны вѣтеркомъ
Колелемы, негнѣющимъ лучемъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво поднимался надъ землею.

И одинокій крестъ лишь, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснеть! Звѣздный свой вѣ-
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли [нецъ
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
Но въ ихъ молчаніи есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.

Свѣтъ, свѣтъ, прекрасная луна!
Природа любить шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты—памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!

«Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ,
но нѣтъ—въ прозѣ лучше».
Далѣе замѣтка:

«Написать записки молодого монаха 17-ти
лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ
священныхъ книгъ ничего не читалъ. Стра-
стная душа томится. Идеалы... (М. Л.).

Путемъ, назначеннымъ судьбой,
Онъ равнодушно подвигался,
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдѣя надеждъ, стыдѣя боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ—какъ слово казни;
Онъ жилъ забыть и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не признавая.
Какъ черный савантъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ,